

Ю. А. Ващенко

ФЕНОМЕН ФРАНЦУЗСКОГО «РЕГИОНАЛЬНОГО» РОМАНА: ГЕНЕЗИС, ЖАНРОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ПОЭТИКА

Стойкое определение «региональный» писатель, закрепившееся за такими мастерами французской прозы, как М. Эме, Ж. Куртелин Г. Шевалье, Р. Фалле и др. заставляет задуматься о сущности французского литературного регионализма, отмеченного явным оттенком «маргинальности» и пренебрежительным отношением французской критики. Неоднозначная репутация этого специфического литературного ответвления приводит к тому, что упоминание имен писателей-регионалистов в литературоведческих трудах зачастую встречаем в негативном или ироническом контексте (как, например, у Р. Кантерса [11], называющего «региональный» роман «поросль инфралитературы, которую осеняет своими чистыми лучами слава Клемана Вотея или автора «Клошмерля» (имеется в виду Г. Шевалье – *примеч. мое* – Ю. В.) [11, с. 35]).

Обращение к литературно-критическим работам, касающимся данной проблематики [7; 8; 9; 10; 12; 14; 15; 16; 17], дает возможность предположить, что за термином «регионализм» скрывается сложный и малоизученный феномен. Добавим, что и определения «региональная» литература, «региональный» роман не являются устоявшимися и в разных критических работах могут быть произвольно изменены на «провинциальный» (*provincial*), «деревенский» (*rustique, rural, champêtre*) или «крестьянский» (*peysan*). Описанная ситуация побуждает обратиться к исследованию этой отрасли литературы, **Цель** представленной статьи – рассмотреть генезис, жанровое содержание и художественные законы жанра «регионального» романа, выявить черты проблематики и поэтики «регионального» романа в творчестве писателей, традиционно вписываемых в этот контекст (М. Эме, Ж. Куртелин Г. Шевалье, Р. Фалле).

«Регионализм» во французской литературе имеет глубокие исторические и геоэтнические корни. Историк Ф. Бродель в своей работе «*L'identité de la France*» [4] утверждает, что современный французский «шестиугольник» – не единственное измерение, которое следует учитывать. Под ним, по мнению Ф. Броделя, – инфра-измерения: регионы, провинции, края, которые сохраняют и сегодня определенную автономию.

Рождение региональной литературы стало своеобразной реакцией на крайнюю централизацию политической власти во Франции, которая провоцировала стремление каждой провинции утвердить свою независимость и своеобразие. Региональная литература, по словам А. Бурена, имеет вечно живой и обновляющийся источник — достаточно объехать Францию, чтобы убедиться: линии ландшафта, цвет неба, растительность, жилища людей, их нравы и обычаи, сами люди глубоко различны. Французская литература, считает исследователь, подобна симфоническому произведению, где каждый исполнитель, играя на

собственном инструменте, участвует в создании ансамбля, не отказываясь при этом от своей индивидуальности [16, с. VII].

Французский региональный роман, история которого начинается с середины XIX века, переживал как периоды упадка, так и небывалого взлета. Одним из наиболее плодотворных этапов его развития стала первая половина XX столетия. Эпоха возрождения и расцвета регионального романа и смежных с ним жанров продолжалась около двадцати лет. Это стимулировало литературно-критический интерес к проблеме, что нашло отражение в появлении целого ряда исследований, посвященных определению истоков, границ и специфики малоизученного жанра [см. 7; 8; 9; 10; 12; 14; 15; 16; 17]. Шатобриан, Перошон, Марк Элдер, де Савиньон и Женевау были удостоены Гонкуровской премии; Пурра и Шатобриан – Большой романной премии Французской академии (*Le Grand Pris du roman de l'Academie française*). Произведение Ф. Бонжеана «Признания дочери ночи» («*Les Confidences d'une Fille de la Nuit*») получило Большую премию Империи (*Le Grand Pris de l'Empir*). В Бордо был основан Союз писателей провинции (*La Société des Ecrivains de Province*).

Идеологические течения пытались использовать «региональную» литературу в спекулятивных целях. Политические силы, опиравшиеся на федеративную идею Морраса и национализм, унаследованный от Барреса, прикрывались «литературным щитом», составляя оппозицию централизованному республиканскому режиму. Реакция 1940 года четко прояснила позиции – теоретики, находившиеся под моррасовским влиянием, создали тогда практический план воплощения своих надежд на ближайшее будущее. Их коллаборационизм, вольный или невольный, имел свои последствия: региональная литература, неосторожно выдвинутая на роль политической союзницы, оказалась через несколько лет в немилости, из которой она выходила очень медленно [14]. В особенности это сказалось на литературной репутации Ж. Жионо («*Refus d'obéissance*», 1937). В 1946 году литературовед А. Бийи выражал мнение, что «дух Виши» нанес литературному регионализму удар, от которого он еще долго не оправится, и выносил безапелляционный приговор: «Регионализм находится за пределами великой универсалистской традиции французского сознания» [2]. Протесты, которые последовали со всех сторон, в большинстве случаев избегали дискуссии, касающейся универсальности жанра, однако содержали рассмотрение более актуального и «жгучего» упрека – обвинения в коллаборационизме. Одной из самых характерных явилась реакция Ф. Лебеска, утверждавшего, что между «духом Виши» и настоящим регионализмом «не существует общего измерения», ибо произведения общечеловеческого звучания всегда глубоко укоренены в национальной почве: «Нельзя забывать миф об Антее. Нужно ощущать связь с землей, если хочешь сберечь все силы» [14, с. 15].

Термин «регионализм» объединяет достаточно отдаленные понятия – от идеи федеративного устройства государства, явления сугубо политического, до представления о «провинциальном», или «деревенском» романе, принадлежащем исключительно литературе. Поэтому и «региональный роман» долгое время

оставался неопределенной сферой, затерянной в неясной области эстетики и истории литературы, где сосуществуют концепции и стили, которые термин «литературный регионализм» охватывает иллюзорным единством.

Работа М. Шарля-Брюна «Провинциальные литературы» [5] была первой попыткой исследовать важнейшие особенности региональной литературы применительно к романному жанру. Возрождение провинциальной литературы в начале века противостояло, по словам автора, парижской продукции весьма скромного качества. По поводу универсальности исследуемого жанра мнение М. Шарля-Брюна таково: существует искусство, в котором универсальное, общее выступает не вопреки различиям, а, скорее, благодаря им, в той мере, в которой характеры и обстоятельства оказываются достоверными. Исследователь добавляет, что в таких персонажах, как Жаку-Бродяга или Гаспар-с-Гор (из произведений Эжена Ле Руа и А. Пурра), присутствует общечеловеческая правда. Если особенности их нравов и поражают, то они же, считает ученый, подчеркивают, в качестве противовеса, универсальные черты героев [5]. Способ выражения также становится темой, вызывающей споры критиков. Вряд ли можно согласиться с мыслью М. Шарля-Брюна, полагающего, что настоящим критерием регионалистской литературы является употребление местных идиом. Если и верно, что «поэт существует лишь в родных идиомах» [5], то в прозаических произведениях, где претворение реальности отличается от поэтического видения, автор может выходить за пределы своего «лингвистического островка».

Ш. Ле Гоффик в докладе «Региональная литература» [9] рассматривает региональное ответвление как «реванш кельта», иначе говоря, «реванш исконных французских ценностей над греко-римским формализмом». Для этого исследователя регионализм в литературе означает переход от абстракции к конкретному, из интимной сферы сознания в зримый мир цветов и форм. Первым региональным романом Ле Гоффик считает «Рене» Шатобриана. Однако ему справедливо возражает Г. Роже: «<...> можно ли без преувеличения утверждать, что «Рене» – региональный роман? Понятно, Шатобриан любит Бретань... Но его первоочередным намерением не было воссоздание своего края; выразить самого себя как единственный сюжет и объект своего произведения – вот его подлинное намерение. Его сфера – глубинный лиризм, и воплощение местного колорита – лишь одно из слагаемых личности» [14, с. 29].

В учебнике, изданном в 1934 году К. Сенешалем [15], уравниваются мнения, приведенные выше. Автор не только констатирует возрождение жанра провинциального романа и отыскивает его причины, но и отмечает, что литературная деятельность провинции демонстрирует громадный разрыв между численностью усилий и их результатом – очень часто «гора рождает мышь».

Ж. Эстонье в работе «Роман и провинция» [8] делает акцент на тех существенных приметах, которые привносит провинция во французский роман. Невосприимчивая к постороннему проникновению и влиянию, она сохраняет все сугубо французское: провинциальный роман, как семейный портрет, один способен

быть по-настоящему точным, – считает автор. Для Эстонье, не отказывающего провинциальному роману в универсальности, этот жанр, в то же время, является уникальным, отражающим «французскую душу». Географические условия, по утверждению исследователя, создают достоверность, но не отменяют общечеловеческой правды: они ее «располагают».

В 1944 году П. Журда [10], рассматривая современные тенденции во французской литературе, устанавливает для «крестьянского» романа (этот термин он употребляет в очень широком значении) границы его владений. Исследователь полагает, что «деревенский роман», не без оговорок воспринимающий методы Жорж Санд, умеет избегать строгости и односторонности в изображении реальности. Он отказывается быть только документальным и отбрасывает натуралистический метод Золя и его последователей. Такую ориентацию П. Журда находит в книгах А. Пурра («Гаспар-с-Гор»), Ж. Жионо («Холм», «Отава», «Песнь земли»); он указывает на присутствие интриги и анализа, точное описание нравов и правдивое изображение многочисленных характеров, их реакций на людей и природу («иногда высокопарное и многословное, но всегда искреннее и трогательное»).

В 1941 году Р. Зельвежер публикует статью «Истоки деревенского романа» [17], которая охватывает европейскую панораму, и уделяет внимание, наряду с французскими, шведским и немецким произведениям. Отсчет истории французского регионального романа автор ведет от Бальзака (что весьма спорно), замечая, однако, что кроме «Шуанов» и «Крестьян» этот писатель не создавал подлинных региональных романов, что его произведения – пример романа социального.

О. Дюпу [7] демонстрирует несколько иной подход к проблеме. Он создает литературный кадастр, географическую «карту» регионализма, достаточно протяженную в пространстве и во времени. Р. Лалу в своей «Истории французской литературы» (1946) [12] дает еще одно доказательство того, что существование путаницы и неясностей, касающихся «деревенского», «регионального» романа, распространяется и на авторов общих учебников.

Своеобразным итогом этой литературно-критической полемики стало эссе Г. Роже «Состояние французского регионального романа» (1951) [14]. Придерживаясь сугубо литературных явлений, автор стремится определить границы и специфику этого жанра. Единственной родоначальницей жанра (если не в качестве непосредственного и совершенного исполнителя, то в качестве теоретика) Г. Роже признает Ж. Санд и начинает отсчет истории регионального романа с ее «Звонарей» («Les Maîtres sonneurs», 1853). По поводу терминологической путаницы Г. Роже отмечает, что эпитеты «rustique», «champêtre» (деревенский) или «paysan» (крестьянский) по отношению к роману являются несколько неестественными. Термин «региональный», по его мнению, лишен нежелательного оттенка, связанного со словом «провинциальный» (provincial). Он также шире понятия «rustique» (деревенский, грубый), но одновременно ассоциируется со всем, что сосредоточено в слове «rural»

(деревенский, крестьянский), то есть с образом жизни, не являющимся ни отсталым, ни диким [14, с. 41]. Рождение регионального романа Г. Роже объясняет как оппозицию романтической эстетике: «Романтизм, в том виде, в каком он расцвел во Франции к 1830 году, предстал как победа индивидуализма и лиризма в ущерб общей правде и рациональности» [14, с. 45]. Реакция на гипертрофию «я» – сначала в историческом, затем – в экзотическом романе, и, наконец, в романе «сельских нравов» не заставила себя долго ждать. Появление «Звонарей», считает исследователь – именно тот момент, когда региональный роман, унаследовав наиболее плодотворные тенденции романтизма, получил условия для своего рождения и дальнейшего развития.

Характер языковых средств, которыми пользуется региональный роман, также является предметом литературоведческой дискуссии. На первый взгляд, логика правдивой передачи реальности требует использования местных говоров и диалектов. На самом же деле это не является ни возможным, ни необходимым: по мнению Г. Роже, «действует великий закон унификации, согласно которому французский язык насильственно заменяет говоры («patois») и диалекты, чтобы взять на себя (по меньшей мере, в прозаических жанрах) эту обязанность – точно выразить их яркую оригинальность и неповторимость» [14, с. 56]. В то же время умелое употребление диалектных и архаичных выражений, характерных синтаксических конструкций (учитывая их экспрессивность) позволяет передать особенности местных говоров. Их смысл становится понятным из контекста или при помощи не прямых пояснений.

Напряженная интрига, неразделимость познания человеческой души и окружающей природы, интерес к социальному действию, живописность, лиризм в изображении персонажей – таковы, считает критик, основные слагаемые жанра регионального романа. Местный колорит не является здесь единственной целью или элементом декора; он становится активным фактором происходящего действия. Региональный роман требует реального присутствия местности, ее участия в действии в качестве протагониста, который определяет поступки персонажей, направляет их судьбы. Местность локализует характеры и дает им настоящую жизнь, выводит их неповторимость на общечеловеческое измерение.

Г. Роже пытается определить и понятие «региональный писатель». Условием создания настоящего регионального романа признается то, что автор должен чувствовать описываемый край «под кожей», «как страсть», а творческий акт, вследствие этого, должен восприниматься как «освобождение от бремени». Имеет значение и некоторый интеллектуальный ценз: необразованный певец провинции – случай исключительный, редкий в этом жанре, требующем зрелого мастерства. Некоторые из «регионалистов» – горожане, которые покинули свои провинции и часто испытывают ностальгические настроения; многие из них черпают вдохновение в своих детских воспоминаниях; лучшие региональные писатели глубоко связаны с традициями широкой гуманистической культуры. «Иногда авторы региональных романов – это «писатели одной книги» – той, которую они

мечтали написать любой ценой и которую в дальнейшем лишь повторяли» [14, с. 55].

Круг «региональных» писателей достаточно широк – М. Бедель, М. Женевау, Ж. Жионо, М. Жуандо, П. Казен, Ж. Куртелин, Ж.-Б. Маллар (де Ла Варенд), Э. Перошон, А. Пурра, Ж. Рожиссар, Ш. Сильвестр, Г. Шевалье, М. Эме и др. Каждый из этих авторов навсегда связан с «обжитым», «облюбованным» им живописным уголком французской глубинки. Так, произведения виконта де Ла Варенда выражают дух подлинного нормандского патриотизма; «его герои – кентавры, полуфавны, полурыцари, в которых борются верность, честь и чувственность» [3, с. 237]: «Страна Уш» («Pays d'Ouche»), 1937; «Кожаный Нос» («Nez de Cuire»), 1937), «Божий кентавр» («Centaure de Dieu», 1938) и др. Морис Женевау никогда не покидает Солонь - простой народ этого края он прекрасно изображает в романах «Раболио» («Raboliot», 1925), «Р-ру» («Rrou», 1930), «Последнее стадо» («La Dernière Harde», 1938) и др. В «сентиментальной географии» [3, с. 237] Франции Анри Пурра представляет Овернь, точнее, Ливрадуа, о котором он в фарсовой манере рассказывает в романах «Круглый холм» («La Colline ronde», в соавт. с Ж. д'Оланем, 1912); «Гаспар-с-гор» («Gaspard des Montagnes», 1922-1931), «Мартовский ветер» («Vent de Mars», 1941), «Ночной охотник» («Le Chasseur de la nuit», 1951); там же находит он «Сокровище сказок» («Le Trésor des Contes», 1948–1955). Поль Казен осваивает Парай-ле-Мониаль (рассказ о собственном детстве «Декади» («Décadi», 1921)); Жан Иоль (псевдоним Леопольда Робера) – рощи Вандеи (наиболее известен роман «Прислуга без содержания» («La Servante sans gages», 1928)); Морис Бедель – долину Луары. Эрнест Перошон вкладывает всю душу в описание крестьян Пуату («Нен» («Nên», 1920); Шарль Сильвестр избирает в качестве рамки Лимузен («Гнездо ястреба» («Le Nid d'épervier», 1934); «Вечерний демон» («Le Demon de soir», 1936); «Луг и пламя» («La Prerie et la Flamme», 1939)). Жан Рожиссар рисует жизнь Арденн (шеститомник «Мамеры» – «Les Mamert», 1941), в повестях Жана Жионо слышится дыхание ветров Прованса («Холм» («Colline»), 1928; «Отава» («Regain», 1930); «Одиночество жалости» («Solitude de la pitié», 1932); «Живая вода» («L'Eau vive»)).

Г. Шевалье «обосновывается» в долине Роны, так объясняя свой выбор: «Когда возник вопрос о том, куда мне поместить своих крестьян (которые оказываются совсем иными, нежели крестьяне Рамюза или Жионо), я выбрал это место. По праву первенства и рождения Жолинон уже занял Шароле, где он разместил свои истории о Корпоскю <...>. Я не стал оспаривать его почву. Я высказался за Божоле, край виноделия, учитывая, что вино – сугубо французский стимул» [6, с. 143]. Почерку Габриэля Шевалье наиболее близка творческая манера Марселя Эме и Жоржа Куртелина – регионалистов, в произведениях которых отчетливо выражен комический пафос. Скандальный и изобретательный роман М. Эме «Зеленая кобыла» («Jument verte», 1933) содержит тонкий и полный юмора анализ крестьянской среды. «Травлинг» («Travelingue», 1941) и «Дорога школьников» («Le Chemin des écoliers», 1946) в присущей писателю манере рисуют период оккупации, а «Уранус» («Uranus», 1948) описывает послевоенные годы.

Именно с Марселем Эме, которого французы называют «наш Рабле» [3, с. 257], чаще всего приходится выдерживать сопоставление автору «Клошмерля». Г. Шевалье ясно осознает причастность своего творчества (как и творчества М. Эме) контексту «деревенского», «регионального» романа: «Правда то, что оба мы испытываем деревенское влияние <...>, и это позволяет нам создавать книги насыщенные и полнокровные» [6, с. 95]. В сборнике «Изнанка «Клошмерля», где Г. Шевалье определяет свое ближайшее литературное окружение, писатель характеризует и творческие черты Ж. Куртелина: «Он принадлежит к наследникам глубоко французской традиции, к нашим сатирикам, которым четыре века назад дал старт великий Рабле...» [6, с. 48]. В рамках этой традиции видит Г. Шевалье и свое творчество, указывая на то, что четыре столетия – «это интервал, разделяющий, почти год в год, появление «Пантагрюэля» (1532) и «Клошмерля» (1934) [6, с. 49]. Отдавая дань Куртелину, Шевалье не удерживается от критических замечаний в адрес его стиля: «изучая его пристальнее, я нахожу, что он писал приземленно, его сравнения порой тривиальны, порой тяжеловесны, а словесные обороты часто неловки. Недостает настоящей непринужденности <...>» [6, с. 49].

Общая лирическая тональность связывает романы Г. Шевалье и Ж. Жионо, который выступил в начале 30-х годов с серией достойных восхищения произведений, однако в дальнейшем, по замечанию литературоведа Г. Марселя [13], «наскучил своими объемными, перегруженными, многословными романами с космическими претензиями и расплывчатой философией» [13, с. 138]: «Песнь земли» («Le Chant du monde», 1934), «Да пребудет радость моя» («Que ma joie demeure», 1935), «Битва на горе» («Bataille dans la montagne», 1937), «Притяжение неба», («Poids du ciel», 1938). В «Подлинных богатствах» («Les Vrais richesses», 1936) и «Письме к крестьянам о бедности и мире» («Lettre aux paysans sur la pauvreté et la paix», 1938) идеал возвращения к земле предстает у Ж. Жионо в виде туманной утопии эстета. В 50-е годы Ж. Жионо входит с «хрониками», написанными в форме пространственных драматических и лирических монологов, в которых он рассказывает о своем детстве, жизни простых людей или «героев в духе Стендаля» [13, с. 38] «Смерть одного персонажа» («Mort d'un personnage»), «Сильные души» («Les Ames fortes»), «Гусар на крыше» («Le Hussard sur le toit», 1951), «Польская мельница» («Le Moulin de Pologne», 1952), «Глупое счастье» («Le Bonheur fou», 1957). Природа и люди Прованса вдохновляют писателя на теплые и лиричные произведения, не лишённые горьковатого привкуса: «Два кавалера бури» («Deux cavaliers de l'orage», 1965) «Энмонда и другие характеры» («Ennemonde et autres caractères», 1968).

Таким образом, принадлежность романов Г. Шевалье, М. Эме, Ж. Куртелина, Ж. Жионо региональной литературе определяет важные стороны проблематики и поэтики их произведений. Это сказывается в лирической природе пафоса, в особенностях пространственно-временной организации романов, в формировании хронотопа, близкого хронотопу земледельческой идиллии (влияние идиллии на областнический роман, как известно, проявилось в специфике идиллического времени и идиллических «соседств» – рядов еды, питья, смерти, полового ряда, в

неразрывной вековой связи процесса жизни поколений с ограниченной локальностью [1, с. 377]). Региональный роман близок идиллии и по набору характерных персонажей – это крестьяне, ремесленники, сельские пасторы, сельские учителя. Именно наличие указанных черт роднит «Зеленую кобылу» М. Эме, трилогию Г. Шевалье, бурбоннезский цикл Р. Фалле с этой специфической областью литературы. Роль «фольклорных соседств» в структуре этих романов чрезвычайно велика, они – стержень образной системы, фундамент авторской картины мира. Вторая и третья части трилогии о Клошмерле и бурбоннезские романы Р. Фалле («Капустный суп», «Новое божоле прибыло» и др.) вносят также тему «разрушения идиллии». Самобытное творчество М. Эме, Ж. Куртелина, Г. Шевалье, Р. Фалле, конечно же, выходит за рамки регламентированной поэтики и достаточно узкой проблематики регионального романа. Однако многие слагаемые этого специфического ответвления литературы являются основой формирования важных сторон художественного мира этих писателей. Это и идиллический хронотоп, актуализирующий фольклорные «соседства», и лирическая стихия, во многом определяющая авторский пафос, и мастерство в изображении природы, которое в совершенстве предстанет в живописных пейзажах.

Выявление жанрового содержания и жанровой поэтики французского «регионального» («областного») романа открывает перспективы исследования этого специфического аспекта и в родственных литературных явлениях, например, в украинской «химерной» прозе (В. Дрозд, В. Земляк. В. Шевчук и др.).

Литература

1. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе / Михаил Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. – М. : Худож. лит., 1975. – С. 234–407.
2. Billy A. Est - ce la fin du régionalisme? / A. Billy. – Figaro Littéraire du 29 Juin 1946.
3. Boisdeffre P. de. Une Histoire vivante de la littérature d'aujourd'hui (1939 – 1959) / Pierre de Boisdeffre, – P., 1959. – P. 237–238.
4. Braudel F. L'Identité de la France / F. Braudel. – P. : Editions Arthaud-Flammarion, 1986. – 376 p.
5. Charles-Brun M. Les littératures provinciales / M. Charles-Brun. – 1 vol. in 8. – P. : Bloud et Cie, 1907. – 215 p.
6. Chevallier G. L'Inverse de Clochemerle / Gabriel Chevallier. – P., 1966. – 346 p.
7. Dupou G. La Géographie des Lettres Françaises / G. Dupou – P., 1942. – 155 p.
8. Estaunié. J. Roman et Province / J. Estaunié. – 1 vol in 16. – Laffont, 1943. – 317 p.

9. Le Goffic Ch. La littérature régionaliste / Ch. le Goffic.– Causeries françaises. 20 février, 1925.
10. Jourda P. Les tendances du roman français 1919–1939 / Pierre Jourda. – Annales de l'Université de Montpellier, 1944. –Т. 11, n-os 3 et 4. – 342 p.
11. Kanters R. Les romans / R. Kanters // Almanache des lettres. – P., 1947. – P. 32–42.
12. Lalou R. Le roman français depuis 1900 / R. Lalou. – 1 vol. – P. : Presses Universitaires, 1943. – 215 p.
13. Marcel G. Guide illustré de la littérature Française modern / G. Marcel.– P. : Seghers, 1968. – 407 p.
14. Roger G. Situation du roman régionaliste français / G. Roger. – Jouve, 1951. – 64 p.
15. Sénéchal Ch. Les grands courants de la littérature française contemporaine / Ch. Sénéchal. – 1 vol. – Soc. français d'éditions littéraires et techniques, 1934. –267 p.
16. Vieuille Ch. Histoire régional de la littérature en France / Ch. Vieuille. – Vol. 1. Des origines à la Révolution. – P., 1986. – 454 p.
17. Zellweger R. Les débuts du roman rustique. Suisse. France. Allemagne. 1836–1856 / R. Zellweger. – 1 vol. – Droz, 1941. – 256 p.

Анотація

Ващенко Ю.А. . Феномен французького «регіонального» роману: генеза, жанровий зміст і поетика.

У статі досліджується специфіка жанру французького «регіонального» роману. Констатується, що за цим визначенням приховується складний і маловивчений феномен, розквіт якого у Франції припадає на першу половину ХХ століття. Аналізується літературознавча полеміка середини минулого століття, що стосувалася проблеми витоків, жанрового змісту, мови і художніх засобів «регіонального» роману. Встановлюються особливості проблематики й поетики, визначені дискурсом «регіонального» роману у творчості письменників, за традицією вписаних у цей контекст (М. Еме, Ж. Куртелін, Г. Шевальє, Р. Фалле).

Ключові слова: літературний регіоналізм, «регіональний роман», жанровий зміст, жанрова поетика, хронотоп.

Аннотация

Ващенко Ю. А. Феномен французского «регионального» романа: генезис, жанровое содержание и поэтика.

В статье исследуется специфика жанра французского «регионального» романа. Констатируется, что за этим определением скрывается сложный и малоизученный феномен, расцвет которого во Франции приходится на первую половину ХХ века. Рассматривается литературоведческая полемика середины прошлого столетия, затронувшая проблемы истоков, жанрового содержания, языка

и художественных средств «регионального» романа. Выявляются особенности проблематики и поэтики, детерминированные дискурсом «регионального» романа в творчестве писателей, традиционно вписываемых в этот контекст (М. Эме, Ж. Куртелин, Г. Шевалье, Р. Фалле).

Ключевые слова: литературный регионализм, «региональный» роман, жанровое содержание, жанровая поэтика, хронотоп.

Summary

Vashchenko Y. A. The phenomenon of the French "regional" novel: the genesis, genre content and poetics.

The article is devoted to the specifics of the genre of the French "regional" novel. It is noted that this definition includes complex and poorly studied phenomenon, which rise in France happened in the first half of the twentieth century. The literary controversy of the middle of XX century, which affected the sources of the problem, the genre of content, language and poetics of "regional" novel is outlined. Particular issues of the content and poetics that are determined by the discourse of "regional" novel in the work of writers, that are traditionally fitted in this context (M. Ayme, J. Kurtelin, G. Chevallier, R. Fallet) are Identified.

Key words: literary regionalism, "regional" novel, genre content, genre poetics, chronotope.